

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был князь на Алтынке, и было у ево три сына. Младшего звали Иван – вылитый Абдулов из к/ф «Обыкновенное чудо».

Позвал однажды князь сыновей и говорить:

– Дети мои, вы уже стали детины здоровыя, пора вам и о невестах подумать!

Похлопали глазами сыновья: «а ить взаправди!» – и спросили:

– За ково же нам, батюшка, посватаца? – таков уж обычай издревле был, када́ родитель такая дела решал.

– А вы возьмите по стреле, натяните потуже луки и пустите в разны стороны. Иде стрела упадётся – там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий двор, натянули луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат. Упала стрела на двор боярина из кооператива «Лужа» прямо под белыя ножки ево дочери.

Пустил стрелу средний брат – полетела стрела во двор к знатному енералу, тайному учаснику всех явных гибридных войн против ближнево и дальнево зарубежья. У ево дочь была на выданье. Дочь тут жа энту стрелу – хватъ!

Пустил стрелу Иван – залетела она прямо в топкое болото, и подняла ея лягушка-квакушка...

Старшие братья пошли искать свои стрелы и сразу их нашли: один – в боярском тереме, другой – на енеральском дворе. Чесно говоря, они туды и целили. А Иван свою стрелу долго не мог найти. Два дни ходил по лесам и по горам, а на третий дён забрёл в топко болото. Смотрить – сидить на кочке лягушка-квакушка и ево стрелу держать.

Иван вздохнул, развернулся и хотел было уже уйти, а лягушка ему и говорить человеческим голосом:

– Ква-ква, Иван-княжич! Ну-к подь сюды, забирай свою стрелу, а мене – замуж.

– Как же я тебя замуж возьму? Мене люди засмеют!

– Да возьми, Иван-княжич, не пожалейшь!

Подумал-подумал он, взял лягушку-квакушку, завернул ее в платочек и принёс в свою горницу. А дома уже всем было известно, куда чья стрела залетела. Подоспел и Иван. Стали братья над им смеяться, а отец ему и говорить:

– Делать неча! Смех – серебро, а отцово слово – золото! Бери квакушку, ничево не поделаишь!

Сыграли три свадьбы, поженились княжичи: старший – на боярышне, средний – на енеральской дочери, а Иван – на лягушке-квакушке. Выделил царь каждому княжичу по дому вдоль Новоалтынново тракта. На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорить:

– Ну, сынки мои дорогая, таперь учитесь семьями жити. Посмотрим, умеють ли ваши жёны хлебы печь. Пусть оне к утру спекут по караваю хлеба.

Воротился Иван в свою горницу невесел, буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-княжич, – говорить лягушка-квакушка учасливо, – што опечалился?

– Как мне не печалица! – отвечать Иван. – Приказал батюшка, штоб ты спекла к утру каравай хлеба...

– Не тужи, княжич! Иди спать-почивать: утро вечера мудреней!

Уложила квакушка княжича спать, а сама сбросила лягушачью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой – такой ладной да фигуристой, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Излишне говорить, што лицо у ея было, как у принцессы Симоновой из одноимённого к/ф. Взяла она мелкие сита, применила нано-технологию, просеяла муку пшеничну, замесила тесто белое, испекла каравай – рыхлый да мягкий, изукрасила разными узорами мудреными – не хуже, чем в дефицитныя прежняя времена торты «Киевский» и «Птичье молоко»!

Утром квакушка будить муженька:

– Ква-ква! Пора, Иван-княжич, вставай, неси каравай!

Приезжают братья к отцу, выкладывают свои караваи. Тут выяснилось, што у старших и посмотреть не на што: у боярской дочки хлеб подгорел, у енеральской – сырой да кособокий получился. А када дошла очередь до Ивана, князь сказал:

– Вот етот хлеб – так хлеб, прямо для праздника!

Дале таким же образом лягушка-квакушка выиграла конкурс по изготовлению ковра, превратившись ночью обратно в Василису Премудрую: кольнёт иглой раз – цветок зацветёт, кольнёт другой – хитры узоры идуь, кольнёт третий – птицы летять. Царь глянул на ейное рукоделие и молвил:

– А вот етот ковёр в моей горнице по большим праздникам расстилать!

Дале был намечен званый фуршет, на который все три княжича должны были приехать с жёнами: хотел царь посмотреть, какая из их лучше пляшеть.

Идёт Иван, печалица, сам думает, как показатца с ево квакушкою на княжем пиру? Дома спрашивает ево лягушка:

– Ты што, Иван-княжич, обратно невесел, головушку повесил?

– Как мне не печалица! – говорит Иван. – Батюшка приказал, чтоб я табя завтра к ему на пир привёз...

– Не горюй, Иван-княжич! Ложись-ка да спи: утро вечера мудреней!

На другой день, как пришло время на пир отправляца, квакушка и говорит:

– Ну, Иван-княжич, скачи один на царский пир, а я вослед за тобой прибуду. Как услышишь стук да гром – не пугайси, скажи: ето, видно, моя лягушонка в коробчонке едит!

Старшие братья приехали во дворец вдвоём со своими жёнами, разодетыми, разубранными, а Иван – водном. Стоять братья посмеиваюца:

– Што ж ты, брат, без жаны? Хоть бы в платочке ея принёс, дал бы всем послушать, как она квакает!

Вдруг поднялся стук да гром – весь княжий дом затрясся. Гости – знатность на лицах, сплошь доктора и кандидаты наук, фигуранты сайта «диссер.нет», – переполошились, повскакали с мест. А Иван-княжич и говорит:

– Не бойтеся, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчонке едит!

Подвинулись все к окнам и видят: скачет почётный эскорт, сопровождают золочёну карету, тройкой гнедых коней запряжёну. Подъехала карета к крыльцу, вышла оттудова Василиса Премудрая – сама светица, как солнце ясное. Все так и ахнули. Взяла Василиса Премудрая Ивана-княжича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые...

Подробности энтово пира и чудеса виртуальные (озеро из рукавов, лебеди) мы опускаем, так как они извесны: Василиса имела бешеный успех. Главная закавка была в том, што Иван-княжич от таково потрясения уллучил минутку и слинял домой, где, натурально, нашёл лягушачью кожу и спалил ея в печи. Василиса Премудрая приехала, хватилася – нету кожи!

– Ах, Иван-княжич, што ж ты наделал! Кабы ты ишо три дня пождал, я бы вечно твоёю жаною была. А таперь прощай, ищи мене за тридевятть земель нашево болотново государства в дальней резиденции Кощея Бессмертново – царя нашево, который всем ужо остофигел. Три пары кроссовок «Соломон» износишь, три мешка галет «Сухпайок» съешь, – тады тока мене и найдьошь, – сказала, обернулася белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал было Иван-княжич, но взял сабя в руки, набрал стрел в колчан, надел кроссовки «Соломон», положил в заплечный мешок три мешка «Сухпайока» и пошёл искать жану свою.

Скоро сказка сказываца, да не скоро дело делаица. Помнил он слова Василисы про кроссовки и галеты, ног не щадил, всё по камням да болотам

вышагивал, галеты жевал, как заведённый. Долго ли, коротко ли – износил-таки пошти последние кроссовки и изгрыз все галеты. Тут, откуда ни возьмись, повстречался ему старичок-грибовичок. Поздоровались.

– Куда путь держишь и чево ищешь? – спрашивает старичок.

Поведал ему Иван свои дела.

– И-эх, Иван-княжич, зачем же ты лягушачью кожу пожог? – упрекнул его старик. – Не ты ея на её напялил, не тебе ея и снимать было! Василиса Премудрая сиротой росла из-за родича сваво, Кощея Бессмертнаво, но умней ево и хитрей была, завсегда ему перечила, вот ён разгневалси и заставил ея три года в лягушачей шкуре жити. Ну, да делать неча, хочу ж таки тебе помочь. Энтово Кащея сам терпеть не могу, остозудил ён мене: я раньше предпринимателем был, а ён мене в тюрьму засадил по ложному обвинению за вольный нрав и поддержку оппозиции. Вот, держи клубочек – не хуже, чем был у Ариадны: куды покотица, туды и иди.

Иван поклонился старичку и пошёл за клубочком без устали, не остановица на отдых ни на часок. А кругом уж топкия болота да места голыя: леса подчистую китайцы срубил по чиновным концессиям.

Вдруг попадаица навстречу медведь, депутат партии «Единое Болото». «Убью-ка я ево! – думает Иван. – Ить весь “Сухпайок” закончился». Тока прицелился, а медведь вдруг как заревёт человеческим голосом:

– Не убивай меня, Иван! Мене самому Кащей остобрындил – за бугор не съездишь без неприятностей. Ежели што, пригожуся тебе.

Не тронул Иван-княжич медведя, пожалел, хучь он и из правящей партии жуликов и воров, пошёл дальше. Идёть средь пеньков, глядь – а над им летить селезень. Натянул Иван лук, хотел было пустить остру стрелу, а селезень и говорить – тожа по-нашему:

– Не убивай меня, Иван-княжич! Я у Кащея в суде сижу, ему прислуживаю – остохрюндило, мочи нету, совсем неправедным судом людей мучить. Придётся час – я тебе пригожуся.

Пожалел Иван-княжич селезня, не стрельнул, пошёл дальше. Тут бежить навстречу косою заяц. «Вот и еда моя прыгаить, – думает княжич. – Поем, наконец, силы наберуся... Тока навёл стрелу, а заяц и говорить ему:

– Не губи меня, Иван-княжич! Я у Кощея министром внешних дел служу, совсем окосел от вранья, остонудило, перед людьми стыдно. Выпадет время – послужу тебе.

И ево пожалел княжич, пошёл дальше. Вышел к реке Вертыш и видит: на берегу, на грязном песке, лежит щука-рыба, трепыхаеца, её волной от патрульной ладьи выбросило. Говорить Иван:

– Эх, и уха будет!..

– Ах, Иван-княжич, – узнала ево щука, – сжался надо мной, я у Кощея в речной полиции работаю, остозвездило людей ни за што хватати, брось мене лучше в реку, а я тебе пригожуся!

Сжалился Иван над щукой, швырнул ее в Вертыш и двинул берегом за своим клубочком. Прикатился клубочек обратно в лес, к избушке на курьих ножках. Говорит княжич:

– Избушка, избушка, повернися к лесу задом, а ко мене передом!

Избушка заскрипела и повернулася. Вошёл Иван в избушку, а там лежить на печи баба-яга – костяная нога. Она егерем местным работала, а по совместительству охотничим туризмом подрабатывала. Говорить ему:

– Зачем пожаловал, добрый молодец? Волей али нет?

– Ах, баба-яга – костяная нога, ты б меня накормила, напоила да баньку б затопила по-чёрному, тады б и выспрашивала!

– А и взаправди! – отвечает та.

Накормила она Ивана, напоила, а после баньки княжич рассказал ей, што ишшет жену свою, Василису Премудрую.

– Как же, знаю! – говорить баба-яга. – Она таперь у царя Кощея Бессмертного томицца. Штоб ея вызволить, с Кошеем не договориши – ето сплошной не фэн шуй. Да ишо ево ни стрела, ни пуля не берёт, даже из гранатомёта пробовали. Ён ничево не боица, со всеми перессорилси, передралси. У мени один зуб осталси – и тот на ево имею: уж больно остохренел со своею свихнутою хозяйственной политикой, – никакой свободы предпринимательства, понимаешь, ни инвестиций, ни технологий. Проблемы психические – бар, сладу с им – ёк.

– Да есть ли где ево смерть?

– Ево смерть – на конце иглы, та игла – в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, заяц – в кованом ларце, а ларец – на вершине старово дуба, што в лесу дремучем на берегу Алкала.

Пошептала баба-яга што-то клубочку, и ён дальше покатился дорогу к дубу показывати. Поблагодарил княжич и потопал дальше. По дремучим лесам пробирался, в топях вяз – пришёл, наконец, к Кошееву дубу. Стоит дуб на берегу Алкала, вершиной в облака упираица, корни по земле раскинул, ветками красно солнце закрыл. А на самой верхушке – кованый ларец.

Иван-княжич голову задрал, аж шапка слетела, и не знаить, што делать, как ларец достати. «Эх, – думайть, – иде-то медведь из “Единово Болота”? Вот хто бы подмог!» Тока подумал, – а медведь тут как тут: проломился через кусты и выворотил дуб с корнями. Дубовая вертикаль стала горизонталью, а ларец разбился на мелкия кусочки.

Выскочил из ларца заяц и пустился наутёк. «Иде жа наш заяц, министр окосемший? – думайть княжич. – Он бы энтово зайца непременно догнал...» Не успел подумать, а заяц тут как тут: настиг тово зайца и наподдал ему пендюлей. Вылетела из тово утка, замахала крыльями и поднялася в небеса.

Иде-то мой селезень? – ахаеть княжич. А уж селезень за уткой летить – как долбанёт ея прямо в башку! Утка удивилася и выронила из себе яйцо, а и упало то яйцо по закону подлости прямо в озеро. Хлопнул Иван сабе по бокам и кричить:

– Иде моя щука полицейская? Достала б мене яйцо со дна озёрново!

И, прямо как в сказке, подплывает к берегу щука – в зубах яйцо, выплёвывать его прямо ему под ноги:

– Получай, Иван-княжич! Полиция – с народом, не служи уродам!

Несказанно обрадовался княжич, об колчан со стрелами шмякнул яйцо, а там игла. Тут бежить к нему сам царь Кощей и кричить, как в старой рекламе про прерывание связи ежели нет предоплаты:

– Не-не-не-не!..

А Иван ка-ак слóмить у иглы кончик! Тут и окочурился Кощей Бессмертный на радость и свободу – о, это сладкое слово! – всему болотному царству. Лежить лысый, на тонких ножках – жалок всякий тиран, истово и несказанно обожаемый своим народом, што десятилетиями смерти его дожидайца.

Пошёл княжич к Кощевым палатам. Выбегаить к нему Василиса Премудрая и молвить:

– Ах, Иван-княжич, ненаглядный мой, сумел ты мене найтить, таперя весь век твоя буду!

Воротилися они домой и стали жить дружно, в любви и согласии, што редко, но бываить, и к своей неопикуемой радости умерли в один день.